

УДК 323(470)
ББК 66.3(2Рос)
К 19

Кантор, Максим Карлович.

К 19 Империя наизнанку. Когда закончится путинская Россия / Максим Кантор. — Москва : Алгоритм, 2015. — 384 с. — (Власть без мозгов).

ISBN 978-5-4438-0972-4

«Как долго может продолжаться то безвременье, в котором мы сейчас живем? Путин не вечен, но не все это понимают. Хотя вроде бы очевидно, все люди смертны. А вот Россия будет существовать и без Путина. Но как существовать? Что будет с Россией и Украиной? Времени осталось мало. Скоро нам придется привыкать к совсем новой стране. Новой и непривычной». (М. Кантор).

Автор этой книги, известный художник, писатель и публицист Максим Кантор, — человек неординарный. Вчера он поссорился с либералами, а сегодня нарывается на скандал с «верными путинцами». И все из-за Украины.

«Если все то, что происходит со страной, а именно: ссора с внешним миром; потеря авторитета в международном сообществе; обвал в экономике, построенной на спекуляциях ресурсами; потеря капиталов; инфляция; изъятие пенсий; общественная истерия; принятие полицейских мер; убийство граждан на бессмысленной войне; установка на войну как единственную меру восстановления жизни, — если все эти мероприятия проводят ради того, чтобы забрать Крым у Украины и дать ограбленному населению видимость жизненной цели, — если все это и впрямь так, то авторы этого замысла — дураки». (М. Кантор).

УДК 323(470)
ББК 66.3(2Рос)

ISBN 978-5-4438-0972-4

© Кантор М.К., 2015
© ООО «ТД Алгоритм», 2015

Часть первая

ПИСЬМА О НОВОМ ФАШИЗМЕ

**Кантор:
Новый Франкенштейн**

Месяе, пишу Вам в тяжелые дни: мир стоит на пороге войны, а в Восточной Европе война уже началась.

В России считают, что Запад — враг, готовятся к большой войне с Западом. Российская «перестройка», вызванная желанием объединения с западной цивилизацией, закончилась кровью.

Сегодня, после очередных лет ученичества у Запада, Россия решила, что ее дорога лежит на восток, и, по слову русского поэта, повернулась к Западу «своею азиатской рожей».

Сегодня идет война между войсками так называемого «народного ополчения Донбасса», которые отбирают часть украинской территории в пользу Российской империи, и украинской армией, которая пытается удержать земли.

Для России эта война реальная, но не объявленная: фактически ведет войну именно российская армия, посылая через границу регулярные части, воюющие без опознавательных знаков, и тяжелое вооружение, с которого сбивают заводскую маркировку.

Существенно то, что война собственно с Украиной — эпизод в масштабной мировой войне; русские люди считают, что в лице Украины Россия ведет бой с Америкой. Западный мир, считает Россия, подошел слишком близко к русским границам; западный мир надо остановить.

Это убеждение сложилось как под влиянием пропаганды, так и от разочарования в западной цивилизации, к которой Россия была присоединена, как считает население, против воли.

Демократию русские люди сегодня прокляли: демократия ассоциируется с разграблением страны капиталистами

Агрессия к Украине — месть Западу. В сознании русских людей существует убеждение, что Украина предала «русский мир», решив соединить свою судьбу с Европой. Символический разворот вспять от политики Богдана Хмельницкого касается не только самой Украины: отъединение Украины от России — это реальный конец Российской империи.

Военный ответ на политический украинский демарш стал единственным результатом перестройки. Иного результата нет.

Масштабного капиталистического строительства на территории России за годы капитализма не случилось; напротив — страна обанкротила и фактически уничтожила свою промышленность, а экономику строила на спекуляциях ресурсами.

Свои экономические беды Россия связала с утратой имперского статуса и территорий. Украина сыграла роль детонатора — а сам взрыв готовился давно. Сегодня в России начался процесс, который некоторые называют «славянской реконкистой» — империя собирает утраченные в ходе перестройки земли. Так уже было в тридцатые годы, когда Сталин восстановил размер империи Екатерины, утраченный в ходе социалистической революции, так происходит и сейчас.

Во время правления Екатерины полководец Суворов подавлял польское восстание; во время Брежнева вводили танки в Чехословакию; сегодня присоединяют украинский Донбасс, до этого присоединили Крым.

Парадокс лишь в том, что сегодня восстановление империи идет одновременно с разговорами о свободе. Россия начинала «перестройку» тридцать лет назад — с проклятия сталинским лагерям и страстного желания демократии западного образца. Демократию русские люди сегодня прокляли: демократия ассоциируется с разграблением страны капиталистами. Сталина практически реабилитировали: сегодня Сталина вспоминают как спасителя отечества — хотя весь пафос «перестройки» был направлен на разоблачение его преступлений.

Сталина вернули как кумира, но при этом желание свободы — осталось. Просто сегодня словом «свобода» обозначают совсем не то, что тридцать лет назад. Процесс восстановления имперских территорий называют «русская весна».

Термин «фашизм» применимо к Украине ввели обдуманно; сделали так, чтобы вызвать ненависть к украинцам

Имперские войска, отрывающие Донбасс от Украины, считаются нынче освободительными, а украинские войска, республиканские, — считаются фашистскими.

Термин «фашизм» применимо к Украине ввели обдуманно; сделали так, чтобы вызвать ненависть к украинцам. Сегодня все поставлено с ног на голову: франкистская имперская идея предстает республиканской, путчисты в Донецке названы освободителями-социалистами, — а украинское правительство, в котором нет ни единого военного, именуют «хунтой». Напротив, Российское государство, в котором бесценно правит майор органов безопасности, «хунтой» свое собственное правительство не называет.

Чехарда смыслов отражает ту сумятицу, которая творится в сознании современного человека. Демократия сулила гражданам свободу, но обернулась (как убедили россиян) экономическим рабством, а Империя сулит рабство, но люди отныне ждут империю как свободу. Эту аберрацию понятий можно счесть следствием постмодерна, следствием общего релятивизма.

Сегодня релятивистское сознание прибегает к утверждениям радикальным, к войне — но генезис радикальных утверждений туманен.

Вас несомненно позабавит деталь: российские диверсанты, пришедшие в Донецк и возглавившие борьбу с Украиной, помимо чинов в российских органах госбезопасности, имеют также философское образование — они окончили философский факультет, они — философы. И в речах диверсанта звучит спокойное утверждение: «Исходя из философии истории, государства Украина не существует». Повторяю: это не сочинение пост-модерниста — такой стала реальность.

Но и это не главное: со времен д'Аннунцио насилие притягивает дряблого интеллектуала; важно иное.

Я испытываю сожаления двойного рода: переживаю, что критиковал либерализм, и сожалею, что не критиковал либерализм достаточно сильно, так, как следовало его критиковать

Парадокс сегодняшнего дня в том, что современный фашизм действительно выращен по рецептам свободного общества. Фашизм сегодняшнего дня пришел по плечам либерализма, это известный прежде сценарий. Все повторилось буквально, как это описывал и предсказывал Платон, как это сохранили в хрониках истории Веймарской республики. Однако особен-

ность сегодняшнего дня в том, что новый эксперимент над мутацией либерализма был проведен не случайно, но с научной последовательностью, практически в лабораторных условиях.

После того, как моя страна изменилась известным вам образом — я испытываю сожаления двойного рода: переживаю, что критиковал либерализм, и сожалею, что не критиковал либерализм достаточно сильно, так, как следовало его критиковать.

Лаборатория эксперимента была обширна на пространстве уничтоженной социалистической системы коллективного хозяйства провели эксперимент насаждения либерального рынка: в результате вспыхнул национализм.

Эксперимент был с обширным полем исследований — результат практически везде одинаковый. Стороны конфликта, как правило, отражаются друг в друге — война это своего рода социальное зеркало. Во многом Украина воспроизвела все ошибки России, в том числе и национальный подъем сегодняшней России (его можно уже квалифицировать как агрессивный патриотизм или шовинизм) присутствует и в Украине. Однако российское общество крупнее, процессы перемен виднее именно в нем.

Не надо обольщаться, это не единичная тенденция поворота к фашизму — национализм и определенная фашизация общества сегодня проявилась везде: в Венгрии, в Греции, во Франции — Украина и Россия не исключения. Всякой стране свойственен свой инвариант фашизма; существует, разумеется, и греческий, и русский, и украинский варианты — со своим культурным генезисом.

Как новый фашизм будет преодолен миром, неизвестно: задача серьезнее, нежели преодоление германского фашизма — поскольку новый фашизм пришел сегодня после разочарования в демократии; новый фашизм вооружен знанием о несовершенстве демократии; новый фашизм опирается на мнение народов, которых демократия обманула. И это делает новый фашизм неуязвимым для критики: народная поддержка на его стороне.

Рынок подменил демократию, причем демократия некоторое время этой подмены не замечала

Проблему правильно обозначить следующим образом: вирус фашизма был преодолен демократией, однако вирус фашизма приспособился к демократии, сделал это лекарство не-

действенным; данный антибиотик устарел — возник устойчивый к нему вирус. Требуется антибиотик нового поколения, но нового лекарства пока нет. Старое — не справляется с вирусом: в демократию больше не верят.

Когда проект возрождения Русской Империи стал самым важным для населения (не забудьте: мечта об Империи возникла спустя четверть века после разрушения казарменного имперского государства), когда новая волна державной идеологии накрыла страну — со всеми запретами, наветами, гонениями на инакомыслящих, улюлюканьем толпы — в этот момент те, кто называет себя либералами и демократами, стали очевидными жертвами. Произошло это внезапно, обвалюно.

Еще вчера либералы жертвами не были, напротив — либералы были хозяевами жизни. В течение двадцати лет власть в стране ассоциировалась с демократической и отходила от демократических принципов постепенно; причем отходила далеко не всегда по причине тирании. Прежде всего, демократию потеснил рынок, который скорректировал общественный договор.

Говорилось о том, что демократия нуждается в либеральном рынке, и связь демократических и рыночных механизмов считалась естественной. Однако в реальности либерально-корпоративный мир подменил собой общественный договор. Общественный договор по природе своей должен пребывать неизменным и отношения гражданина и социума лимитированы взаимной ответственностью; рынок не знает лимитов и не склонен считать себя ответственным. Рынок подменил демократию, причем демократия некоторое время этой подмены не замечала.

Однако население — инстинктивно — заметило подмену быстро. Те, кого либералы называли «быдло», ненавидели демократов за свою нищету, связывая принципы прав человека с разорением страны.

Либеральную интеллигенцию ненавидели за легкие деньги и надменность. Либералы получали в редакциях большие зарплаты за незначительную деятельность; и впрямь, на фоне банкротства промышленности, огромные деньги тратились корпорациями на идеологическую работу, чтобы убедить население в том, что разорение страны необходимая ступень к свободе. К сожалению, пора либерализма в России завершилась, не оставив по себе памятников и свершений.

В годы Советской власти, когда хотели сказать комплимент, говорили «человек — непродажный». В годы владычества рынка стали хвалить только тех, кто хорошо продается

А что же делали с гигантскими деньгами, спросите вы? Больниц для бедных не строили, за образование неимущих не боролись; писали колонки в гламурные издания, клеймили мертвого Сталина, посмеивались над косным населением, внедряли мысль, будто рыночный успех — критерий человеческой состоятельности.

Четверть века назад, когда социалистические казармы были сметены прогрессом (в те годы любили слово «прогресс»), российское население было немедленно ограблено. Нельзя сказать, что народ процветал до перестройки, отнюдь нет. Но когда возникли легальные возможности для изъятия последнего у людей, когда спекуляцию объявили наиболее достойным занятием — тогда жизнь объявили довеском к рынку, и все, что не вписывалось в рынок, умерло. Новые богачи стали флагманом перемен. Вкусы буржуев сделались критерием справедливости и красоты — ведь эти вкусы были проверены рыночной удачей.

На глазах менялось сознание людей: продавалось все. Прежде (в годы Советской власти) когда хотели сказать комплимент, говорили «человек — непродажный». В годы владычества рынка стали хвалить только тех, кто хорошо продается. Сочетание либерального рынка с демократией оказалось губительно для демократической идеи — она была вытеснена рынком, хотя правовую терминологию и сохранили.

Рыночный успех я не считал критерием; мне в те годы казалось, что жадный рынок разрушает фундаментальную основу народной жизни, рушит нечто, что первично по отношению к рынку и к государству.

Меня раздражали brave журналисты, которые были достаточно смелы, чтобы пинать мертвого Сталина, но крайне осторожны в критике непосредственного работодателя. Подвергали критике все, кроме того строя, который сложился. Сомнение — необходимый компонент сознания, но когда сомневаются избирательно, это уничтожает категорию сомнения.

С каким сладострастием рвали нувориши тоталитарную страну на части, сколь праведен был каждый пинок под задницу казарменной России. Казалось, что это — осмысленная работа:

расправляться с косным прошлым страны. Отвергали победы, предания, историю, религию — все объявили неудачным черновиком западной истории. И многие русские возненавидели ту западную историю, которая стала основанием их унижения.

Помните зиновьевское: «Целились в коммунизм, а попали в Россию»? Добавлю: попали в жителей России

Быть против нео-либерализма естественно; это нормально — встать на сторону обездоленных. Нео-либерализм не имеет ничего общего с классическим либерализмом: аболиционистов там не встретишь: рынок жесток. Когда внедряли рыночную мантру, прозвучали слова либерального экономиста: если тридцать миллионов русских мужиков не впишутся в рынок, что же делать? Это звучало как оправдание бесправия. Русскую культуру объявили неполноценной — все заменила мода и глянцевого успех. Я выступал против тех, кто это пропагандировал.

Помните зиновьевское: «Целились в коммунизм, а попали в Россию»? Добавлю: попали в жителей России.

И вот сегодня — либералы в опале. Сейчас объявили войну с Западом неотвратимостью, и ожидание войны сплотило людей, разобщенных рынком. И либералы оказались тем, кого толпа воспринимает виновными в своих бедах.

Кровожадность — иного слова не подберу — охватила толпу; пусть придет возмездие! Людей убеждают в том, что они будут сражаться за все то, что у них отнял рынок. Людей заставили поверить в то, что все украли не их непосредственные начальники — но идеологи, теоретики рынка, заокеанские советчики. Не отечественный феодал виноват, нет! Виноват интеллигент, который отдал власть этому феодалу.

Это, разумеется, ложь. Население грабили отечественные феодалы, те самые, которые сегодня посылают население на смерть в борьбе с чужими странами.

Странно было бы предполагать, что население можно унижать так долго, и народ не взорвется в ненависти. Не ища обоснований, веря самому нелепому аргументу, стали готовиться к войне. И мнится людям: покорим соседний народ — и станем свободнее сами.

Читал в книгах о тридцатых годах — но не думал, что увижу воочию: вчера угнетенные и жалкие — стали гордыми и гневными.

Отчего же возникла гордость? Ведь лучше жить никто из униженных не стал. Гордость появилась оттого, что могут отомстить судьбе. Вчера умирали порознь, ограбленные рынком, сегодня объединились в ненависти к тем, кто их обездолил. То есть им, пьяным ненавистью, кажется, что их обездолил западный мир — на деле они воюют с собственной грабительской историей, воплощенной в Украине, которая желает демократии и свободы. В лице Украины — мстят самим себе.

Людей унижали долгие годы тем, что показывали пример жирного довольного соседа. Значит, этого соседа надо ударить

Любопытно здесь то, что, в сущности, этот агрессивный процесс — не отменил ни либерализма, ни демократии, ни корпоративного сознания. Это кажется невероятным, но, между тем, это именно так: демократические принципы показательно сохраняются — сегодня это волеизъявление народа, сплотившегося вокруг вождя; и корпоративность не отменили — действует тот же принцип избирательного чувства справедливости.

Так именно и было на недавних корпоративных бунтах: свергаем президента, но не главу концерна, который платит зарплату; этот же принцип повторили сегодня в военной истерии: население готово воевать за свои права с чужой страной, но не с собственным правительством.

Позвольте, граждане, разве вас чужое правительство грабило эти годы? Разве это американские капиталисты урезали ваши пенсии и забрали себе вашу нефть? Но логика обиженного народа иная — людей унижали долгие годы тем, что показывали пример жирного довольного соседа. Значит, этого соседа надо ударить.

Вчера я болел за народ — сегодня народный энтузиазм мне отвратителен.

Между страстями толпы и жизнью народа — пропасть. Народ доводят до состояния толпы, а потом наступает момент бессилия власти, когда толпу бросают на прорыв цивилизации — причем ради захвата тех же рынков.

Рынок, примененный как критерий человеческой состоятельности, ужасен. Восстание против доктрины рынка — справедливо. Но разве сегодня что-то поменялось? Оттого, что людям вместо рынка предлагают войну — что изменилось? Никто и не думал отказываться ни от одного из захваченных рынком плацдармов бытия.

Война — это такой же рынок. Просто война — это самая последняя фаза рынка.

Оттого, что толпе сказали, что их соседи — фашисты, что поменялось в собственной жизни людей? Стала свободнее? Краше?

Люди стали свободнее оттого, что им разрешили издеваться над слабым соседом. Соседская глупость видна — и она оттенила свои собственные привилегии.

Война — это такой же рынок. Просто война — это самая последняя фаза рынка

Тридцать миллионов населения мешали при рыночной экономике, их перевели в мертвые души. Сегодня подошли иначе к проблеме лишних миллионов: вместо рынка дали войну.

Но война — тоже рынок. Надо эту мысль повторить много раз, слишком часто мы слышали, что война есть продолжение политики — но нет в мире сегодня иной политики, помимо рыночной. Война есть продолжение рынка, это простая девальвация рабочей силы.

Сегодня показалось, будто возникла симфония власти и народа. И впрямь так, когда народ посылают на убой — а это бывает уже от полного паралича власти, когда нет иного плана обогащения — тогда возникает солидарность стада с хозяином. Цена рабочей силы уравнивается с ценой жизни, а жизнь ничего не стоит.

У государства всегда есть последняя карта: поверх олигархов, поверх мелкого второсортного ворья — правители обращаются к толпе. Братцы! Это плохие бары у вас все украли! А мы — бары хорошие. Иди на войну — и настанет возрождение.

Скажите, Ришар, насколько логично было бы мне, критикованному нео-либерализму, приветствовать войну и такого рода «возрождение»?

Американцы, насколько я знаю, у русского народа ничего не крали. И либералы мало сумели стащить. Брали русские бары у русских крепостных. И всегда будут красть именно отечественные бары. И всегда бары будут слать мужиков на убой. И всегда образ внешнего врага — поможет обелить отечественного держиморду.

Я — за обездоленных, а не за обманенных.

Знаете, Ришар, было время, когда я спорил с анти-сталинизмом, которым заменили подлинное изучение истории: все

беды в России либерализм списывал на наследие Сталина. Говорили, что во всем Сталин виноват — не раскаялись сталинизм, не изжили пороки коммунизма, все беды от этого. А как раскаяться?

Я возражал: не Сталин раздал ресурсы страны феодалам, не Сталин не наделил властью бандитские кланы. И, будем справедливы к покойному тирану, который повинен в гибели миллионов, но сегодняшнее унижение народа — это не его вина.

Так я говорил, но теперь пришла пора пожалеть о моих словах, поскольку сегодня кажется, что либералы были правы: Сталин никуда не исчез — генералиссимус всегда с нами. Те, кто звал его приход, те, кто молчал, ненавидя либералов, те, кто мечтал об империи — они сегодня рады.

Это долгожданный день националистов и имперцев: о, с каким сладострастием они мстят за унижение своего кумира. Было время, имя Сталина стеснялись произнести, сегодня имя палача звучит гордо. Сегодня имперское сознание вытеснило либеральную идеологию — а кто же у нас, в России, главный символ имперского духа? Екатерина ли? И гудит, как лесной пожар общая страсть: мы сплотились, мы единый народ, мы снова готовы к войне!

За что война? С кем же война, помилуйте? Атлантическая цивилизация — вот наш враг! Мы стали жертвой чужой доктрины — сегодня страна встает с колен! А встать с колен в этой терминологии — означает подавить внутри страны инакомыслие.

Тирания создает иллюзию прямой демократии, обращаясь непосредственно к народу, поверх рыночных магнатов. Так возникает фашизм

Посмотрите на судьбу свободолюбивого писателя Зиновьева, выступившего сначала против Советской власти, а затем против власти нео-либеральной доктрины рынка; сегодня Зиновьев умер, а его имя присвоено имперцами и черносотенцами, теми, кто вызвал бы ужас у него, будь он жив.

Но логика неумолима: рынок разъедает демократию, а в отсутствие демократии — плоды рынка присваивает тирания. Тирания создает иллюзию прямой демократии, обращаясь непосредственно к народу, поверх рыночных магнатов (они же столпы демократии). Так возникает фашизм.

Эту возможность критик либерализма мог предвидеть; предвидел ее и я — но, видимо, был неубедителен.

Я выступал против нео-либерализма в России, и продолжаю думать, что нео-либерализм принес России зло; но сегодня преследуют тех, кого я критиковал — события повернулись так, что они стали жертвами зла еще более страшного. Я вижу, как нео-либеральная доктрина, уничтожив демократию, вылепила из корпоративного общества среду, максимально пригодную для фашистской доктрины.

Наше общество прошло тот же путь, тот же классический маршрут, который был описан Платоном в восьмой книге «Государства»: от слабой и вороватой демократии к беспринципной олигархии, а от олигархии к тирании. Этот путь был пройден в истории часто. Но никто не извлек уроков.

Мы провели двадцать пять лет так называемой «свободы», играя со словами «либерализм» и «права человека» — но современный либерализм очень мало занимался правами человека, куда больше правами собственника; демократия была придатком рынка. Разве кого-то удивляет, что релятивистское «contemporaryart» находится в оппозиции к идеалистическому «modernart»? А почему же нео-либерализму не быть в оппозиции к либерализму?

Поглядите на дикую войну в Донбассе — Россия желает оградить себя от чужого влияния, русским людям надо присвоить эту территорию в знак того, что «русский мир» противостоит Атлантике. Иной цели у войны нет.

Дикость ситуации в том, что в качестве причин смертоубийств называют десять причин, противоречащих одна другой. Одни говорят, что воюют за социализм против украинских олигархов. Но при этом эти люди получают зарплаты от российских олигархов. Не бывает социализма, встроенного в капиталистическую империю, не бывает карманного социализма. Мало этого, не бывает социализма, который строят в чужой стране силами капиталистической империи. Но теория Маркса тут и не вспоминалась.

Культивируемое зверство, направленное против братьев, имеет одно оправдание — создание бастиона, противостоящего Америке

Глава самопровозглашенного правительства объявил, что он разделяет белогвардейские идеалы и воюет за Русскую империю; другой лидер сражается за концепцию евразийства; еще один — за казачье правительство.

И, набирая бойцов для сражения, наемникам платят, и наемники вообще не знают, за что сражаются. Культивируемое зверство, направленное против братьев, имеет одно оправдание — создание бастиона, противостоящего Америке.

Города и граждан сделали заложниками животного зверства, иногда те, кто стреляет в людей, говорят, что воюют за то, чтобы говорить по-русски. Русский язык никто не запрещал, но, скажите, разве не лучше говорить на суахили, лишь бы жили дети? Такая логика уже отсутствует.

А в России люди голосуют за единство нации, вскидывая вверх правую руку — точь в точь таким же движением, каким вскидывали руку гитлеровцы. И объявлено правительством, что основа жизни страны — патриотизм. Не гуманность, не закон, не право. Патриотизм.

Россия отгородила себя от мира — а помните про «обще-европейский дом»? Некогда германский министр Ратенау сказал «Германию поместили в сумасшедший дом и страна сошла с ума» — я вспоминаю сегодня его слова.

Спросите себя, как спрашиваю себя я: только ли российская вина в том, что страна встала сегодня с ног на голову? Возможно, в этом вина и тех, кто разрушил анатомию организма в принципе?

Сегодня Россия осуществила то, о чем предупреждали: внезапный переход от гламурного либерализма к националистической империи. Мы в начале фашистского дискурса, но движение стремительно.

Мы стремительно переместились в мир казармы; люди разочаровались в том идеале, который пожелали принять вместо казармы. Но скажите, Ришар, разве не сходный процесс идет во всем христианском мире? Разве не случилось так, что общими либерально-рыночными усилиями мы возвели цивилизацию, которая обанкротилась — оказалось, что ничего реального не было. Либерализм прошел как насморк, растаял как дым — не оставив по себе никакой памяти, кроме обиды масс.

До того, как народ стали строить в шеренги и хоронить убитых солдат без имен на могилах, прошел процесс мутации собственно демократического строя

Лекарства против новой беды нет. Вирус фашизма приспособился к демократии, на него не действует лекарство. Прошло

двадцать пять лет разговоров — и мы не припасли ни единого твердого слова, чтобы остановить войну, чтобы обуздать массовый психоз, чтобы сказать твердое «нет» национализму». Мы истратили все слова на игры.

Особенность современного фашизма состоит в том, что фашизм пришел в силу тотального разочарования в демократии.

Фашизм всегда приходит вопреки демократии, но сегодня фашизм пришел не только вопреки — но по вине демократии, от разочарования в демократии, в силу мутации самой демократии.

И это критично.

Демократия в ходе объективного исторического процесса ассоциировала себя с нео-либеральной рыночной идеологией, не-демократичной по сути. Союз демократии и либерального рынка стал губительным прежде всего для самих демократических общественных институтов.

Фашизация обществ в мире проходит тем успешнее, чем демократическое лекарство против вируса фашизма — сегодня не помогает.

Сегодня не существует внятной оппозиции «демократия — фашизм», рынок спутал диагноз, усложнил процесс лечения.

Вирус фашизма приспособился к той демократии, которая имела место, вирус фашизма побеждает рыночную демократию легко.

Нам некого винить, кроме наших ленивых мозгов и наших мелких идеалов

Для того, чтобы успешно противостоять новому изданию фашизма — требуется антибиотик нового поколения; а такого лекарства — чистого антибиотика демократии — пока нет. Требуется демократическая идея, очищенная от рынка и спекуляций, но таковой сегодня не существует.

До того, как народ стали строить в шеренги и хоронить убитых солдат без имен на могилах, прошел процесс мутации собственно демократического строя.

Современный фашизм лишь на словах противостоит нео-либеральной идее и рынку. На самом деле, приобретения либералов режимом присваиваются, и в собственность народа не перейдут никогда. Чекист-миллиардер — не находится в оп-

позиции к рынку, и ни на миллиметр не ближе к народу, нежели владелец корпорации. Не либерализм отвергает фашизм, но вышедшую из употребления демократию.

Сегодняшний строй является мафиократией; в этом социальном образовании действуют не законы, но понятия. Мафиократия преобразуется в фашизм легко; но при этом демократическая идея фашизму нового типа не оппозиционна — демократия съела себя сама. И даже хуже: рыночная демократия как бы имплантирована внутрь нового фашизма.

Чтобы победить фашизм нового типа нам прежде всего потребуется заново переосмыслить демократические идеалы и институты.

Нам некого винить, кроме наших ленивых мозгов и наших мелких идеалов.

Все, что случилось с нами и с либерализмом, случилось потому, что мы не заслужили ничего лучшего; мы своими руками вылепили сегодняшнего Франкенштейна».

Мийе: Фальшивая реальность

Ришар Мийе, французский писатель и издатель, великолепный стилист, автор многочисленных романов, эссе и, конечно же, скандальной книги «Литературная похвала Андерсу Брейвику» прислал такой вот ответ, положивший начало этой переписке.

Уважаемый Максим. В целом я с вами согласен — в России появляется тенденция к тоталитаризму, появились ферменты тоталитаризма; я предпочитаю пользоваться именно этим словом, так как фашизм, на мой взгляд, находится внутри специфической исторической коннотации.

В Западной Европе, в Европейском союзе ситуация, между прочим, сходная, хотя очевидно и менее кровавая. Европейский тоталитаризм — мягкий, гибкий, лицемерный инструмент, при помощи которого управляют сознанием масс.

Россия все еще империя, и консервировать ее в качестве империи возможно, на мой взгляд. Франция или Британия уже давно не империи, этот этап пройден; эти страны потеря-